

Л. А. Турне

О СУДЬБЕ РУССКИХ ИКОН, ВЫВЕЗЕННЫХ В ШВЕДИЮ

В подвальных запасниках Национального музея Стокгольма спрятана (то есть скрыта от посторонних глаз) одна из лучших в Европе коллекций икон, большая часть из них — русские. Бывший директор музея Ульф Абель составил каталог, в котором значится 323 ценнейшие иконы. Благодаря финансисту Улофу Ашбергу, передавшему музею 275 (!) икон, многие из которых датируются 1400–1600 годами, Национальный музей Стокгольма занял престижную нишу в так называемой «мировой художественной галерее».

Де-факто иконы, как считают многие, не принадлежат Северному королевству. Они были изъяты из церкви России способами, которые трудно назвать корректными.

В частности, «ашбергское пожертвование музею» связано с переворотом 1917 года и периодом, именуемым ныне богоборческим. Но такая деталь незаметно исчезла из памяти шведов (точнее, многим шведам об этом вообще ничего неизвестно), потому что прошлое России, ее духовные ценности не имеют для них никакого значения. Это не осуждение, а беспристрастная констатация. Но и россияне, которым давно следовало бы озаботиться этой проблемой, тоже, к великому сожалению, переживают пору беспамятства...

В предисловии к изданной Национальным музеем в 1988 году книге «Русской иконе 1000 лет» бывший директор музея Пер Бьюрстрем пишет, что Улофу Ашбергу во время его пребывания в России «посчастливилось собрать» качественную коллекцию русских икон — как по количеству, так и по значимости¹. Глагол «собрать» можно вполне классифицировать как эвфемизм или дипломатическое выражение, что, собственно, в данном случае одно и то же... Это преднамеренное лукавство. Не думаю, что господин

Бьюрстрем не подозревал об истинном происхождении упоминаемой им «коллекции» и способе ее комплектования.

В своей книге об иконах Ульф Абель рассказывает о том, как Ашберг начал скупать иконы на смоленских барахолках, так называемых толкучках, в 1920 году. А в последующее десятилетие он отоваривался специальным антиквариатом, предназначенным на продажу за границу². Под специальным антиквариатом подразумеваются конфискованные иконы и старинные ценности. Поэтому образа огромных размеров и превосходного качества, иконостасы, огромные кресты и тому подобное, переданные Ашбергом Национальному музею, свидетельствуют о сомнительном акте их приобретения. И они никак не попадают под понятие «право владения собственностью».

Де-юре выражение «сбыт краденого» не подойдет, но оно вполне адекватно формулировке «сбыт конфискованного». Так что рвение коллекционера, завладевшего чужими, хоть и конфискованными, ценностями, а потом «облагодетельствовавшего» ими шведский музей, несет определенный оттенок. Ашберг вывозил иконы и сокровища из России без боязни: ведь у него было официальное разрешение властей коммунистического режима. Ашберг находился на особом положении как основатель торгового банка (Handelsbanken): он сыграл огромную роль в финансировании тех, кто готовил октябрьский переворот в России. «Я рассматривал мою работу для СССР не как работу, а как доверительное задание, которое я с благодарностью принял», — пишет Улоф Ашберг в своих мемуарах «Рассвет нового времени».

Перед революцией в России было 55 173 православных церквей и 1250 монастырей³. Только в 1917 году, когда к власти пришел «гегемон», сразу закрылись 94 церкви и 26 монастырей. К концу 1919 года были убиты тысячи настоятелей. В первом номере газеты «Пермская земская неделя» за 1919 год появился список священников и монахов епархии, казненных большевиками. Против каждого имени стоит свидетельство о методе убийства: утоплен, пробуровлен насквозь штыком, забит прикладом винтовки, застрелен и заморожен, изрублен саблями... А можно прочесть и такое: приговоренный к казни сам копал себе могилу. Причины уничтожения священнослужителей — «преступления проповедования и колокольный звон, а также отказ служить в Красной армии и сражаться против сибирских войсковых отрядов».

По Декрету о конфискации всех церковных имуществ, у православных хотели отнять не просто храмы и все, что им принадлежало, — у людей хотели отнять веру⁴. Вольно или невольно такие «коллекционеры», как

Ашберг, внесли в богоборческую акцию свой весомый вклад и цинично воспользовались ситуацией.

Защищать «шведское право» на ашбергское «наследство» по причине того, что иконы в России могли быть уничтожены, — аргумент, который мог быть приемлем в 1933 и 1952 годах, когда Ашберг передавал иконы Национальному музею. Но этот аргумент не уместен сегодня, когда свобода совести в России стала реальностью и уже никто не преследует верующих.

То, что шведские музеи обогащались, бесцеремонно заимствуя в «смутные времена» ценности других европейских стран, — факт известный и легко доказуемый. Но самое удивительное, что шведы воспринимают это как само собой разумеющееся. Что называется: было ваше — стало наше. Однако за пределами Швеции далеко не все смотрят на такое положение вещей как на данность и потому требуют вернуть отнятое у них когда-то, не интересуясь сроком давности. Пострадавшие от такой скандинавской «предприимчивости» некоторые страны Европы требуют вернуть то, что принадлежит им по праву.

Святые, то есть веками намоленные, иконы, почитавшиеся прежде и почитаемые ныне верующими в России, изъятые самыми разными, но всегда несправедливыми путями из русских церквей и монастырей во времена тяжелых испытаний для России, ни в коем случае не должны находиться в подвале шведского музея, как бы солидно он ни назывался — хранилищем или запасником. Место русских икон в России.

Из 323 икон шведский музей изредка выставляет напоказ лишь 24 иконы. Наверное, из-за боязни «русской революции» в Северном королевстве. Опасения сильно преувеличены: русские, живущие в Швеции, или равнодушны к ценностям своей Родины, или не подозревают о том, что сложилась такая ситуация, или боятся сказать свое слово в защиту справедливости. Ведь многие из них уже укоренились в Скандинавии и не собираются возвращаться домой. Но не о них речь... Для русского православного человека икона — это не картина, не музейный экспонат. Это святыня...

В общем, проблема здесь — не только юридическая, но и нравственная — налицо. И она требует решения как важнейшая, на мой взгляд, государственная задача. Однако властные структуры России, которые могли бы начать переговоры с соответствующими департаментами Швеции, не проявляют инициативы. А когда молчишь, никто не узнает о том, что тебя тревожит.

Если бы Национальный музей Стокгольма возвратил России ее национальное достояние (речь идет не о предметах роскоши, а об иконах), то это

бы имело широкий резонанс. И тогда музей, потеряв звание обладателя богатейшей коллекции русских икон, приобрел бы не меньшую ценность — уважение и благодарность всех православных людей не только в России, но и во всем мире. А это дорогого стоит. И Швеция, которая правильно рассуждает о справедливости, демократии и законности, на деле доказала бы свою приверженность высоким принципам.

* * *

¹ *Бьюрстрем Пер.* Русской иконе 1000 лет. Стокгольм, 1988. С. 3.

² *Абель Ульф.* Каталог русских и византийских икон. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=5797>

³ *Васильева О.Ю.* Русская православная церковь и советская власть в 1917–1927 годах // Вопросы истории. 1993. № 8.

⁴ *Зеньковский С.А.* Трагедия русского православия. М., 2004.